

После концерта|Après le concert

Автор: Надежда Сикорская, Люцерн, 7. 09. 2015.

Николай Луганский и Юрий Темирканов в KKL (© Nashagazeta.ch)

За последние десять дней мы побывали на трех концертах Юрия Темирканова и Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии. Три программы, три солиста, три незабываемых впечатления.

|

En dix jours nous avons assistés aux trois concerts de l'Orchestre philharmonique de Saint-Petersbourg sous la baguette de son directeur artistique Yuri Temirkanov. Trois programmes, trois solistes, trois

impressions inoubliables.

Мы не относимся к «grouпу», да и слово «поклонница», вызывающее образы сентиментальных дамочек, падающих в обморок при виде своих кумиров, воспринимаем с долей иронии. Не просим автографов (разве что для читателей Нашей Газеты.ch), только однажды позволили себе сделать «селфи», оказавшись в зале рядом с Пласидо Доминго. Однако на концертах именно Юрия Темирканова и именно с его оркестром стараемся бывать при каждой возможности, а то и специально отправляемся для этого в Санкт-Петербург, в их родной прекрасный зал – получаются подарки самим себе, полученные от судьбы (украденные?) моменты счастья.

После двух очень разных и по-своему очень интересных концертов в Анси, о которых мы уже [рассказывали](#), мы отправились в Люцерн, где в эти дни продолжается Летний фестиваль. Эти выступления – часть огромного гастрольного турне, в рамках которого оркестр исполняет шестнадцать программ, чего просто не бывает, ведь получается, практически в каждом концерте – новая программа. Для нас, слушателей, это, конечно, «праздник души, именины сердца», но для исполнителей – огромная нагрузка. Юрий Хатуевич признался, что причина такой щедрости – его собственное благодушие и ... малая доля рассеянности. «Один организатор просит исполнить то-то произведение, и я соглашаюсь. Другой просит это, и я опять соглашаюсь. А когда в итоге составила программа, и я на нее взглянул – ужаснулся!», – разводит он руками.

Чайковский, Рахманинов, Шостакович, Темирканов, Луганский – вот имена на афише первого концерта в Люцерне. Роскошный зал KKL был заполнен до отказа, все четыре яруса. А за пять минут до начала концерта выяснилось еще, что два ряда кресел по ошибке продали дважды, и все первое отделение директору фестиваля Майклу Хафлигеру пришлось развлекать 53 неудачников разговорами и поить шампанским в буфете – говорят, один из них, сам родом из Санкт-Петербурга, расстроился до слез. В антракте кое-как разместили – кого-то на ступеньки,

кого-то стоять у стеночки.

Репетиция перед концертом (© Nashagazeta.ch)

Первая из двух представленных Темиркановым в Люцерне программ представила страстность русского романтизма - с Симфонической поэмой «Франческа да Римини» Чайковского и Вторым фортепианным концертом Рахманинова – и своеобразный (именно своеобразный, а не «на любителя») юмор Шостаковича, нашедший отражение в Девятой симфонии.

Как помнят наши постоянные читатели, темой, или лейтмотивом нынешнего фестиваля организаторы избрали [юмор и смех](#), даже если это смех сквозь слезы. Только этой последней оговоркой мы можем объяснить попадание в программу «Франчески» - литературной основой ей послужила «Божественная комедия» Данте, а точнее Пятая песнь первой части, «Ад». Напомним, действие происходит во втором круге ада, куда попадают совершившие прелюбодеяние.

В Италии история Паоло и Франчески, насильно выданной замуж за отвратительного горбуна, была настолько хорошо известна, что в описании ее Данте не счел нужным вдаваться в подробности. Чайковский же, ориентируясь на российскую публику, предпослал рукописи партитуры собственную подробную программу. Правда, позднее, осуществляя издание партитуры, Чайковский предложил другой, более сжатый вариант с точным переводом стихов Данте: «Данте спускается во второй круг Ада. Тут он видит казнь сладострастных, которых терзает непрерывный жесточайший вихрь, проносящийся по темному и мрачному пространству. Среди мучающихся он узнает Франческу да Римини, и она рассказывает ему свою историю:

*...Нет муки ужаснее той,
Как вспомнить минуты блаженства
В час пытки мучительной, злой.
Но если с участием желаешь
Узнать ты источники бед,
Хоть плача тебе расскажу я.
Читали мы книгу; поэт,
Как пылкий герой Ланчелотто
Способен безумно любить.
Сначала заставила книга
Стыдливо нас взор опустить,
Но после, лишь только прочли мы,
Герой как Жиневру лобзал,
Он обнял меня горячо так
И страстно тогда целовал...
О, проклята книга такая,
О, проклят и автор ее...
В тот день мы уже не читали,
О книге забыли тогда...
Пока говорила Франческа,
Другой дух так страшно рыдал,
Что я от участия и скорби,
Как труп бездыханный упал.
(Данте, Ад. V)»*

Веселая история, ничего не скажешь. Однако в музыке Чайковского присутствуют не только трагизм и адские вихри, но и простая, трогательная, проникновенная «мелодия Франчески» с солирующим кларнетом, заслуженно награжденным аплодисментами люцернской публики. Лирическая кульминация — апофеоз любви, а за ней, как гром среди ясного неба, фанфары, возвращающие к жестокой действительности. Все задуманные Чайковским смены общего настроения были переданы оркестром под управлением Юрия Темирканова с присущим им верностью композиторскому замыслу, тонкостью и непередаваемой элегантностью.

... Пока на сцене передвигали пюпитры и выносили рояль, мы с некоторым волнением ожидали появления Николая Луганского. Если Юрия Темирканова, приезжающего на фестиваль с 1992 года, в Люцерне знают, любят и встречают как старого друга, то для Луганского это выступление было дебютом на фестивале, а исполнение концерта Рахманинова в городе, где в 1939 году композитор дал своей последний концерт и в который, увы, уже не вернулся, - вызовом.

Второй фортепианный концерт – одно из самых любимых нами произведений, мы слышали его в исполнении множества прекрасных музыкантов, включая Эмиля Гилельса и Евгения Кисина, и знаем его наизусть. Николай Луганский нас не разочаровал! С интеллигентностью, отличающей исполнительскую манеру этого музыканта, обладающего, как говорили мы потом за сценой, и умом, и сердцем, и руками, он сыграл так, что проняло – особенно вторая часть – до слез. Причем не только нас. В антракте, зайдя за кулисы, мы столкнулись с виолончелистом Сергеем Чернядьевым, работающим в оркестре уже много-много лет. Глаза у него были подозрительно красные. «Вы тоже?», - спросила я. «Да! - развел он руками. – В России так больше никто не играет!»

Не скрывала своего восторга и известная нашим читателям [Люба Манц](#), предпринимательница и меценат из Цюриха, которую мы регулярно встречаем на знаковых культурных мероприятиях. Преодолев кордон Securitas, госпожа Манц сумела пробраться за кулисы и в

антракте, и после концерта, чтобы лично поздравить музыкантов.

По лицу Юрия Темирканова трудно понять, доволен ли он. Кажется, да (© Nashagazeta.ch)

А мы, в очередной раз слушая переворачивающую душу музыку Рахманинова, думали о том, что только русский исполнитель, да и то далеко не каждый, может до конца проникнуться ею и донести до внимательной и открытой для восприятия аудитории всю «русскость» великолепного фортепианного концерта, написанного 28-летним Рахманиновым, говорившим о себе: «Я русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды».

Принято говорить о лиризме Рахманинова, о присутствии в его сочинениях традиционных русских мелодий и ассоциирующегося с Россией ощущения размаха, мощи, беспредельности. Все это, безусловно, есть. Но почему-то в тот вечер в Люцерне возник у нас и еще один образ – души, рвущейся из несвободы к свободе.

Мы очень рады, что Николаю Луганскому понравился зал KKL, который он поставил в один ряд с венским Musikverein и амстердамским Concertgebouw – значит, есть надежда, что он сюда еще приедет!

... Получается, что из всей темиркановской программы к юмористической теме фестиваля больше всего подходит Девятая симфония Шостаковича, что удивит тех, кто считает выдающего композитора XX века слишком серьезным, сложным, а то и просто скучным.

Удивил Дмитрий Дмитриевич и своих современников, присутствовавших 3 ноября 1945 года на премьере симфонии в Ленинграде, в исполнении все того же Оркестра Ленинградской тогда еще филармонии, но под управлением Евгения Мравинского. Удивила, особенно после монументальных военных симфоний, и ее непродолжительность (всего 25 минут, одна из причин редкого включения ее в концертные программы), и «неопределенность» – ведь в СССР необходимо было на все наклеивать ярлыки. А тут кому-то послышалась в ней Четвертая Малера, кому-то Прокофьев, кому-то Гайдн с Моцартом – и каждый был прав, что не лишало

произведение полной самобытности. С идеологической точки зрения – а куда же без нее?! – многих разочаровало отсутствие внешнего пафоса, а значит, недостаточное осознание автором величия победы. Шостаковичу ли было не осознать! Были, к чести журналисткой братии, и те, кто услышали в легкой, изящной музыке именно безграничную радость композитора от того, что пятилетний кошмар закончился, его своеобразный вздох облегчения. В итоге, после обсуждения в прессе и за закрытыми дверями высоких кабинетов, вердикт был вынесен такой: определить симфонию как «лирико-комедийное произведение, не лишенное драматических элементов, оттеняющих основную линию развития» и как «трагедийно-сатирический памфлет». Ну, и на том спасибо.

Виолончелист Сергей Чернядьев (© Nashagazeta.ch)

Отыграв, Николай Луганский занялся изучением Нашей Газеты (© Nashagazeta.ch)

Близкие к Темирканову люди немного волновались – как после хорошо известных произведений Чайковского и Рахманинова воспримут швейцарцы Шостаковича? Мы этих волнений не разделяли, и оказались правы – восприняли на ура! Волшебные руки Юрия Хатуевича сотворили очередное маленькое чудо, а его обезоруживающие улыбки, обращенные к музыкантам оркестра, словно в зеркале отражались на лицах слушателей. Bravo, Maestro!

Юрий Темирканов принимает поздравления от Любы Манц(© Nashagazeta.ch)

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
